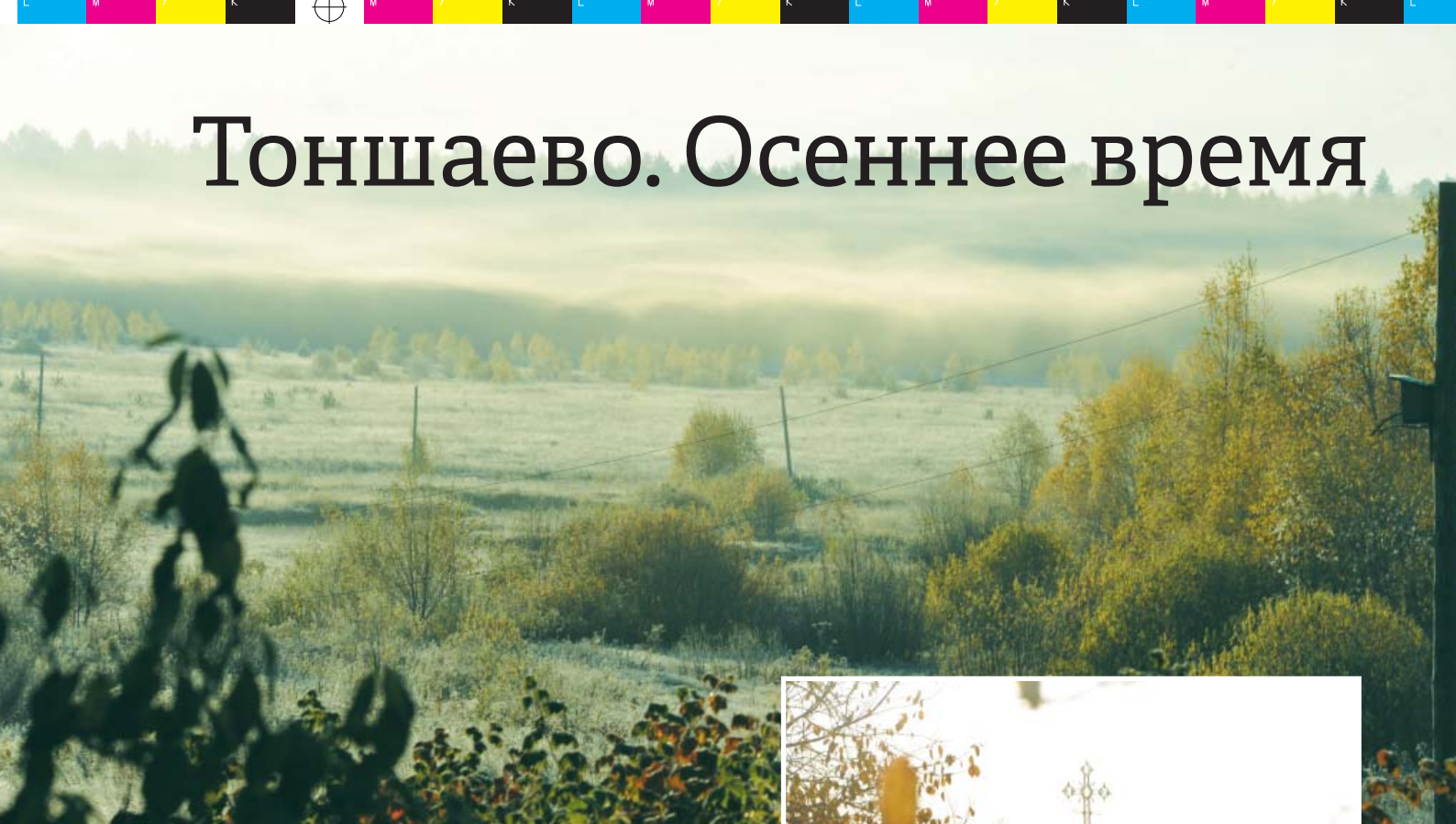

Тоншаево. Осеннее время

В Тоншаево осень. Ещё не глубокая. С утренними туманами, но без ледяной слюды на лужах. Ещё густы разноцветные лиственные пряди в рощах. Ещё крепко держится на берёзовой ветке резной листок, подрагивая от налетевшего ветерка. Он покрыт осенней позолотой, но не спешит оторваться от своей древесной родины, чтобы покружившись в воздухе, упасть в пожухлую траву.

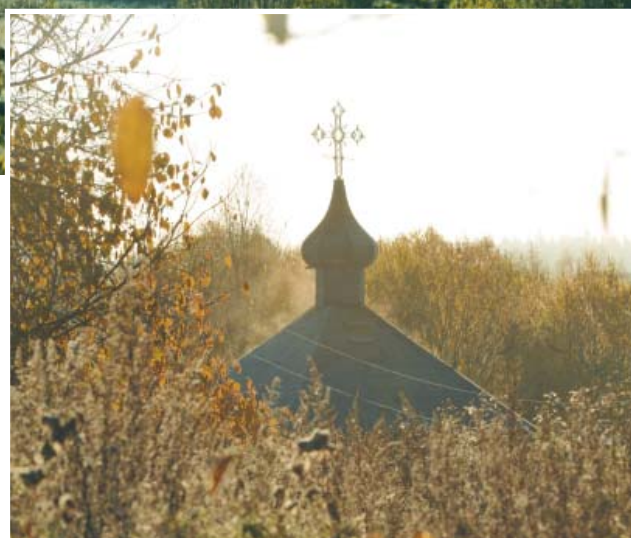
Ещё гуще, ещё темнее были здешние леса девять столетий назад, когда в Поветлужье возникло первое марийское княжество. Шумела густыми кронами тайга, звенели в битвах клинки, свистели стрелы, не пускали врагов в свои пределы марийские князья Коджа Ералтем, Кай Хлыновский, а с могучим Ош Пандашем правители сопредельного Галича считали за честь породниться. Так пронеслись века.

Потомки тех марийцев по-прежнему живут на своей древней родине. Сегодня в Тоншаевском районе – одном из крупнейших по площади районов Нижегородской области – их около двух тысяч.

И хотя поредела тайга, но до сих пор территория района почти на две трети покрыта лесами и болотами. Недаром в 1996 году в Тоншаево приезжал Никита Михалков, чтобы выбрать место для съёмок «Сибирского цирюльника»

Здесь, на севере Нижегородской области, на границе с Кировской и Костромской областями, лес всегда был основой местной экономики. Он давал дёготь и смолу, рогожу и мёд, доски и брёвна для строительства домов и дрова для обогрева жилища, он рождал новые промыслы и обеспечивал стабильный заработок.

И сегодня в районе преобладает перерабатывающее производство, для которого берут лес на кор-

ню. На одном заводе изготавливают детские кровати, комоды, пеленальные столики; на другом – фанеру, на третьем – деревянные игрушки. На производстве фанеры занято около 600 человек, их на фабрику возят на автобусах с окрестных деревень.

В отличие от леса сельское хозяйство уже не то, что раньше. Крепких сельхозпредприятий осталось немного: в Вьякшенере, в Кодочагах, в Кувербе, в Тоншаево. Неслучайно местное профтехучилище, готовившее трактористов и машинистов, а также филиал нижегородского учебного заведения – сельхозтехникум – закрылись. Молодёжь перспективным сельское хозяйство не считает.

Интересно, что хотя местные жители одной из проблем считают отсутствие работы, уровень зарегистрированной безработицы в районе невелик. Да и в самой области эти показатели меньше, чем в среднем по России.

В прошлом году информационное агентство NewsNN представило рейтинг городов и районов Нижегородской области, по результатам которого можно судить о территориях региона, где людям наиболее комфортно живётся. Основными категориями, определявшими качество жизни, стали демография, здравоохранение, трудоустройство и безопасность. Так вот, Тоншаевский район оказался на четвёртом месте среди лидеров. Кстати, по данным Нижегородстата, он практически единственный в области, где за последние двадцать лет количество населения почти не изменилось.

Отчего же в глазах у тоншаевских марийцев такая глубокая грусть – даже когда они улыбаются? Отчего при общении с ними не покидает щемящее чувство утраты – как в нарядном осеннем лесу?

Пропавшие школы

Самую большую тревогу тоншаевских марийцев вызывает судьба родного языка. Северо-западный диалект, на котором разговаривает здесь марийское население, некоторые учёные считают самым архаичным отголоском древнемарийского языка. Беда в том, что число владеющих им уменьшается год от года. Многие люди среднего возраста ещё понимают родную речь, но уже не разговаривают на марийском. А молодёжь своего коренного языка практически не знает.

80 лет назад в Тоншаевском районе работала лингвистическая экспедиция во главе с Михаилом Павловичем Чхаидзе – филологом, старшим научным сотрудником Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР, специалиста по финно-угорским языкам. Учёные отметили, что марийцы живут в 9 из 15 сельсоветах района: Ошарском, Увийском, Майском, Шукшумском, Охтарском, Ложкинском, Ку-

вербском, Одошнурском и Кодочиговском. Причём Ошарский, Увийский и Кувербский сельсоветы считались «специально марийскими по признаку преобладания марийского населения в них».

Но едва ли не самое интересное место в материале, написанном по итогам языковой экспедиции, касалось школ. Оказывается, по сведениям района, на 1937 год в районе было 8 марийских школ! Лингвисты перечислили эти школы (все они были начальными): Трифоновская, Ошарская, Большеселковская, Фёдоровская, Большелумарская, Ромачинская, Увийская, Одошнурская.

Спустя 20 лет в Тоншаевском районе побывала диалектологическая экспедиция, организованная МарНИИ. По данным учёных И. С. Галкина, Л. П. Грузова, число марийских деревень в районе практически не уменьшилось – 36, однако о марийских школах в их исследовании – ни слова.

Прошло чуть более десяти лет, и в 1970 году МарНИИ выпустил подготовленную учёными И. Г. Ивановым и Г. М. Тужаровым монографию «Северо-западное наречие марийского языка». Год спустя увидел свет уже «Словарь северо-западного наречия марийского языка» тех же авторов. В предисловии языковеды били тревогу: «Диалект, слова которого собраны в данном словаре, в настоящее время переживает всё более усиливающийся процесс своего исчезновения вследствие ассимиляции его носителей с соседним русским населением».

В 1995 году в Марийском книжном издательстве впервые был выпущен «Маре букварь» на северо-западном диалекте. Однако учебник для первоклассников по сути оказался невостребованным, поскольку специалистов-преподавателей, готовых наладить изучение родного языка в удалённых от крупных городов районах, не нашлось. А сам букварь попал в разряд библиографических редкостей. Японский лингвист Такаси Танака, побывавший в 2008 году в здешних местах, был поражён, обнаружив этот учебник в библиотеке.

Беседуя с учителями марийского языка и литературы в различных регионах России, не раз приходилось слышать их сетования на то, что ученики испытывают трудности, сталкиваясь с литературным эталонным марийским языком. Дело в том, что в каждом регионе есть своя диалектная лексика, широко используемая в устной бытовой речи и, вынужденные на уроках подстраиваться под правильный вариант словоупотребления и произношения, школьники (да и учителя тоже!) испытывают вполне объяснимый дискомфорт. При этом, отметим, процент диалектизмов, как правило, невелик, и в разговоре уральский мариец прекрасно поймёт сородича из Башкирии или Марий Эл. Иное дело – тоншаевский

говор. Исследователи Чхаидзе и Иванов установили, что с более близким горномарийским языком он расходится в среднем на 25 процентов, а с луговым – на пятьдесят! И хотя в целом учащиеся четвёртых-шестых классов понимали общее содержание предложенного им текста, но частности от их понимания уже ускользали.

В подобной ситуации, чтобы вызвать у ученика интерес к изучению родного языка, нужно было обладать как минимум педагогическим талантом, быть неутомимым подвижником.

Таким энтузиастом был Шабруков Николай Леонтьевич, направленный в 1929 году в деревню Куверба для того, чтобы организовать марийскую школу.

Стоит заметить, что в 1930-е годы жизнь народа была гораздо беднее и труднее, чем в наши дни. Не были исключением и учителя. Продуктами они обеспечивались, как и служащие, по минимуму: хлеб, сахар, крупа – и всё. «Материальное положение большинства учителей было настолько удручающим, что мало кто имел возможность снимать комнаты, а кто арендовал жильё, не мог своевременно вносить квартплату», – отмечают в очерке, посвящённом тому периоду, нижегородские архивисты. Зарплату, кстати, в те времена учителя тоже получали нерегулярно – были и перебои с выплатой, и задержки на несколько месяцев – совсем как в наши дни.

Шабруков вспоминал, как у него износились ботинки, и он целую неделю ходил в школу в самолично сплетённых лаптях. Однако же ходил и учил, и тянулась к нему детвора и молодёжь. А Шабруков не ограничивался только Кувербой – неоднократно пешком добирался он до Одошнура, Больших Селков, Ашкат, Пижмы, беседовал с местными марийцами, читал им марийские газеты и журналы, пел песни.

Всего год учительствовал Шабруков в Кувербе. В 1930 году его назначили инспектором Тоншаевского РОНО, а затем – заведующим школой колхозной молодёжи в Тоншаево. Туда сразу же хлынула

марийская молодёжь. Николай Леонтьевич выхлопотал для всех учащихся-марийцев особые стипендии. Их поместили в школьном интернате на полном государственном обеспечении и стали обучать по ускоренной программе, чтобы подготовить к поступлению в пятый класс.

Кто знает – нашлось бы учителей, подобных Шабрукову, хотя бы с десятков, может быть, и была бы иная ситуация с марийским языком в Тоншаево. Но вскоре, как известно, пришло время Большого террора, когда было репрессировано и немало учителей марийского языка.

Спустя лишь год после экспедиции Чхеидзе в Тоншаевском районе закрылась последняя марийская школа.

Родник пробился к людям

Безнадёга долго не может длиться. И в осеннем небе бывают просветы. Для тоншаевских марийцев солнышко засияло в 1990-е годы, когда по стране прокатилась волна возрождения национальных традиций.

Вот и Алевтине Семёновне Трушковой неодолимо захотелось запеть на родном марийском языке, которого она, чего скрывать, и не знала. Зато помнила, как пела мама. Когда-то в молодости мать с отцом в составе марийского самодеятельного коллектива из Кувербы даже ездили на смотр в город Горький. Отец тоже пел и играл на гармошке. Правда, своего инструмента у него не было, так что, когда хотелось попеть, шёл к соседу: «Василий, дай поиграть!». А вот плясать не плясал – был ранен на войне.

Родом она из деревни Письменер – родители переехали туда из-за работы – на заготовку леса. У отца была самая что ни на есть лесная профессия – пилоправ. В ту пору марийцы в этой деревне жили всего лишь в двух домах. Училась Алевтина в русской школе, языка своего стеснялась – и без того

сверстники дразнили. Хотя, когда дома отец с матерью разговаривали, понимала.

Песню Аля полюбила с детства. Бывало, когда родители на работе, включит радиолу, поставит пластинку – и давай петь да наплясывать! Так что после Письменерской восьмилетки прямая дорога была на хоровое отделение Борского культпросветучилища. Впрочем, не совсем прямая: поначалу хотела Алевтина учиться в Йошкар-Оле, но в местном культпросветучилище получила отказ: марийским не владеете, принять не можем.

Так и привела судьба Алевтину в Тоншаевский дом культуры, где она работает с 1974 года.

Слова первой марийской песни для Алевтины Семёновны по её просьбе записал Вячеслав Тёркин. Сначала они и пели вдвоём. Потом пригласили ещё одну мариечку.

В 1993 году состоялся дебют марийского коллектива, у которого тогда даже не было названия. Спели на Дне посёлка. А потом люди потянулись в ансамбль: Галина Денежкина из Кувербы, Светлана Мерыянгина – из Гагаринского, Светлана Пермякова – с Вьякшенера, тоншаевские – Сергей Огурцов, Светлана Юргина, Василий Пакичев. И название появилось «Лекше выт» – «Родник» на тоншаевском говоре.

После присвоения звания «народного» возможностей у коллектива стало больше: можно и костюмы заказывать, рубашки купили, приобрели сапоги, танцорам костюмы.

– Народ просит петь на марийском? – спрашиваю Алевтину Семёновну.

– Мы и сами знаем, что надо. Вот приезжаем в Ашкаты, знаем, что если что-то марийское спели, заканчиваем марийской плясовой. И даже во время выступления, когда поём, некоторые пляшут.

Чтобы «Родник» не заглох, Алевтина Трушкова подсматривает и творческую смену.

– Есть молодая женщина из Кувербы. Я уж ей и тексты напечатала, говорю: хочешь, я к тебе буду

ходить домой, учить? Она в душе вроде бы и согласна, но у неё времени не хватает: как пойду с вами выступать, не отпустят с работы. Девушка-медичка есть, и голос у неё есть, но работает в Шахунье. Вот как бы её приобщить? Для неё было бы хорошо, а мне бы хотелось, чтобы она с нами выступала. У меня на примете четыре человека, им лет под сорок – совсем молодые!

Ощущение родного дома

Первая реакция на фамилию Вячеслава Тёркина – мгновенно мелькнувшее в памяти название знаменитой поэмы про бойца. Николай Морохин в книге «Боги лесного Заволжья» рассказывает, как однажды разыграл нижегородского фотографа, убедив его сделать снимок «сына Василия Тёркина». Что, между прочим, было сущей правдой, вот только к легендарному персонажу отец Вячеслава не имел никакого отношения. Тем не менее, ассоциация постоянно срабатывает. И даже Верховный карт Александр Таныгин при встрече шутливо величает его Твардовским. Хотя наверняка Александр Иванович ведаёт о старинном марийском родом имени Терке.

Свою родословную Вячеслав Тёркин знает по рассказам тётки – двоюродной сестры отца – до пятого колена. Отец умер рано – Вячеслав учился в шестом классе. Он работал бригадиром, учётчиком в колхозе в Ашкатах. Эту деревню Тёркин считает своей малой родиной. А по материнской линии корни его яранские – прадед его оттуда, из деревни Акмоличи. Он был охотником, собирал живицу, так и дошёл до Ашкат, познакомился с бабушкой Тёркина и пришёл в примакки. Несмотря на это жили они хорошо. Прадед пчёл держал, на скрипке играл – как праздник, его приглашали.

Эта любовь к музыке, к ремёслам передалась и Вячеславу Васильевичу – мастеру на все руки, отменному гармонисту.

И в том, что вернувшись на родину после армии, он неделю спустя пошёл работать в Ашкатовский клуб, нет ничего удивительного. Правда, был в его клубном стаже перерыв, когда Тёркин работал часовым мастером. Ему даже первый секретарь райкома приносил часы в ремонт.

А клуб в Ашкатах он превратил в мастерскую, где стал обучать детвору народным ремёслам, в том числе резьбе по дереву.

Как-то совершенно естественно он стал во главе возрождения марийской культуры в Тоншаевском районе, которое началось в середине 1990-х. А когда в 2011 году была создана национально-культурная автономия марийцев Тоншаевского района, Вячеслава Васильевича единодушно избрали председателем. Сам он, впрочем, считает, что «марийскими делами» занимался всегда. Наверное, это началось ещё с детских лет, когда он заморожено смотрел, как тётка разжигала перед печкой огонь и молилась марийским богам.

Может, боги помогут сохранить родной язык?

– Я ведь не могу этот процесс остановить – что язык пропадает. Ну как я могу? Жалко, и душа болит, а ничего сделать не могу! – печалится Тёркин, но добавляет: – Марийский менталитет всё равно остаётся. Я себя всегда чувствую марийцем. Этот дух не вытравить.

В Большеашкатовском клубе он организовал целый музей. Резные разделочные доски висят по стенам, дуги, самовары, горшки на полках, туеса, ларцы, деревянная точёная посуда, лампы, крынки, хомуты, марийские костюмы, гармонь старинной работы, патефон, веретено и всё это на небольшом пространстве. Когда заходишь сюда – половички домотканые встречают у порога, поэтому хочется снять обувь, как дома.

Это ощущение родного дома, где всё до боли знакомо, где, кажется, не прекращая звучит родная речь, – то, что пытаются сберечь тоншаевские марийцы.

Обрести себя вновь

И всё-таки тоншаевцы – мастера запутывать время! Давно уже нет колхоза «У вий» – одного из первых в районе, зато есть Увийский сельсовет – даром что центр его находится в Больших Селках. Спрятали марийцы колхозное имя в сельсовете, сохранили его. Или взять, к примеру, Ошарский сельский дом культуры: хоть всю деревню прочешите – не найдёте его. А он есть – только не в Ошарах, а в соседнем посёлке Кировский. Вся хитрость в том, что название сохранить проще, чем заморачиваться с оформлением документации. Да и марийцев в Кировском живёт не меньше, чем в Ошарах.

Кировский – типичный советский посёлок, вы-

росший в середине 1970-х. В нём разместили центральную усадьбу колхоза имени Кирова – прежняя была в Ошарах. Построили квартиры со всеми удобствами, начальную школу, дом культуры, столовую, магазин, детсад, медпункт – живи да радуйся! Работы на животноводческом комплексе, включавшем два свиноводника, телятник, ферму, хватало и для новосёлов, и для жителей окрестных деревень.

На стенде в Доме культуры фотографии, запечатлевшие совсем ещё молодую историю посёлка. Вот открытие памятника солдатам, погибшим в Великую Отечественную войну, вот ветераны у монумента, вот чествование передовиков – ведь кипела совсем недавно здесь жизнь!

А потом пришла перестройка, и хозяйство сгнуло по известной всей России формуле: купили–продали–растащили.

«Молодёжь уезжает в Нижний. Тут ей делать нечего. Кто постарше – в Тоншаеве живут. Строятся, квартиры получают, работа там есть. Здесь ещё есть пилорамы, цеха маленькие – ну и зарплаты такие же. Коров почти никто не держит, перешли на коз. Раздали земельные паи. Вроде сено есть, а вывезти не на чем. Поля заросли. Но корма дорогие, а на пенсии больно-то не разгонишься. Да и здоровье не то».

О своём житье-бытье рассказывают участники ансамбля «Цевр кеце», поджидавшие нас в СДК. Все они бывшие колхозники. Алексеева Лидия Васильевна и Лачкова Людмила Николаевна работали доярками, Огурцов Валентин Алексеевич – трактористом. В ансамбле он и баянист, и идейный вдохновитель.

«Цевр кеце» возник десять лет назад.

– Мы одни поём на своём языке, – утверждают самодеятельные артисты. – Тоншаевские не понимают, они всё по бумажке поют, с акцентом. А мы коренные – как говорим, так и поём.

Песен в репертуаре «Цевр кеце» много. «Их бы записать на диск, чтобы память оставить», – мечтает поюще-играющее трио. Больше в ансамбле людей нет.

– Не идут... – вздыхает Огурцов.

– Грустно это...

– Да, грустновато у нас, – соглашается ошарская самодеятельность.

Семьи у всех участников ансамбля большие. У Валентина Алексеевича – пятеро детей и девять внуков, у Лидии Васильевны – тоже пятеро плюс десять внуков, у Людмилы Николаевны – трое детей и пять внуков. Вроде бы есть кому передать бесценное песенное наследство, но дети хоть и понимают марийский, предпочитают общаться на русском. А внуки, приезжая на каникулы в деревню, смеются над дедушками и бабушками: «Что вы по-иностранному разговариваете?».

– Они с нами мало общаются, не успевают научиться, – оправдываются ошарские артисты.

– «Цеверын»-то говорят, когда уезжают?

– Нет, только целуют и «пока» говорят.

А ведь когда в семидесятые годы нынешние дедушки-бабушки заканчивали школу, ещё вся деревня говорила по-марийски, никто не стеснялся родного языка. Однако вчерашние выпускники, обзаведясь семьями, в общении с народившимися чадами перешли на русский. «Почему?» – «Да мода такая пошла».

Мода, не мода, а в третьем колене таншаевские марийцы на родном языке практически не говорят.

– Всё гаснет. Вот перестанем мы петь, и всё пропадёт, – сокрушаются бывшие доярки.

А Валентин Алексеевич упрямо вскидывает голову: «Если будем обычаи соблюдать, хранить марийский дух – ничего не исчезнет. А без веры и народа не будет».

Он единственный человек в Ошарах, который ходит на моления в священные рощи. Как когда-то ходил его дед, моля богов даровать здоровье и урожай. Последнее массовое моление тоншаевские марийцы провели в 1943 году. С девяностых годов сюда изредка приезжают карты из Марий Эл. Огурцов тоже ездит просить богов в соседнюю республику. Скоро

снова собирается в Сернурский район – уже и гуся приготовил.

С директором СДК Василием Николаевичем Пакичевым мы вышли поговорить на крылечко. Родом он из Ошар, мать продавцом в райпо работала, отец – водителем, кузнецом в колхозе. Родители получили квартиру в Кировском, так что в начальную школу Василий пошёл в посёлке, а среднее образование получил в Шайгино. Потом профтехучилище в Шахунье, армия. Демобилизовался, а дома работы нет, колхозы распадаются. Уехал за Нижний Новгород – пять лет в госавтоинспекции отслужил, вернулся обратно, восемь лет прослужил в исправительно-трудовом учреждении в Шеретках. По выслуге лет вышел на пенсию. А сам-то ещё молодой. Помыкался, искал в районе работу. Вот тут и подвернулась вакансия в Доме культуры, тем более когда-то его сюда приглашали на мероприятиях исполнять частушки. А его по старой памяти стали привлекать к участию в художественных коллективах района: «Сударушке», «Родных напевах» и, конечно, в «Лекше выт».

– Вернувшись на родину, я вновь обрёл себя, – словно обрадовавшись только ему известному поводу, улыбается Василий Николаевич. – Хотя застал здесь разруху. Но я ведь здесь вырос. Те, у кого

душа-сердце ещё остались, кто не туристом живёт, у кого надежда ещё теплится и душа лежит к малой родине – они остаются. Я просто не могу жить долго на стороне. После поездки в Нижний – у меня голова квадратная. Как там люди живут? – я там устаю. Некоторые любят на юг ездить отдыхать. Я один раз съездил – жена попросила – и то к брату в Крым, ещё украинский тогда. Но я и там не могу. А домой приехал, в огород вышел – вот здесь я отдыхаю. Даже с лопатой в руке – зато душа на месте. Вот это моё: тишина, природа, ходишь вокруг дома, дела делаешь. Здесь лес, ягоды, грибы. Река Ошаринка, Курнуж – в Пижму втекает.

Пакичев не одинок в своих желаниях. Сегодня его ровесники в Ошарах, в Кировском строятся, дома покупают, живут семьями на малой родине.

Тем временем мимо Дома культуры идут две марийки пенсионного возраста, обсуждая что-то... по-русски.

– Пуры кеце! – здороваемся.

Женщины недоумённо смотрят в нашу сторону.

– Вот ведь: марийки, а по-марийски не говорят, – рассуждает вслух Василий.

Женщины замедляют шаг:

– А как надо ответить?

– Пуры кеце – добрый день.

– А ответить-то мы не сумеем, – словно сожалая, говорят женщины и удаляются восвояси.

Василий качает головой: «Видимо, давно отошло у них желание говорить по-марийски». Сам он, пусть и переходя на русский, пытается говорить на певучем своём диалекте. «Меня никто не учил, само пришло. Мы ещё по молодости с друзьями прикалывались: как бы для интереса марийские слова в русскую речь вставляли. Да и мама с бабушкой постоянно на марийском разговаривают».

Он считает, что родной язык всё равно произвольно вырывается из человека. И рассказывает историю, которая в разных марийских уголках России звучит примерно так же: «Возвращается мари-ец из армии в деревню и земляков в упор не замечает: «Я городской, я русский!» На грабли наступил – бац, по лбу! – У, долбаный крапля!» Сразу марийский язык вспомнил!»

Василий надеется, что, может быть, удастся заинтересовать местную молодёжь родным языком – хотя бы в форме игры. На каком-нибудь клубном мероприятии можно это применить – провести марийскую пятиминутку, или на каком-то соревновании.

Может, ещё не поздно?

*Сергей ШАНЧАРА
Фото: Денис РЕЧКИН*